

12+

Мелков Алексей Валерьевич

Почетный адвокат России,
кандидат юридических наук

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ АДВОКАТА

НАУКА ПОНИМАТЬ.
ИСКУССТВО УБЕЖДАТЬ.
СТРАТЕГИЯ ПОБЕЖДАТЬ.

Практическое руководство
на основе психологии
и НЛП

УПК РФ

КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ЭТИКИ АДВОКАТА

ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

ТЕОРИЯ
ПРАКТИКА
ДИАЛОГИ
ИНСТРУМЕНТЫ

Алексей Мелков

Судебная психология адвоката

«Издательские решения»

Мелков А. В.

Судебная психология адвоката / А. В. Мелков — «Издательские решения»,

Книга посвящена практической судебной психологии адвоката: механизмам убеждения, НЛП, когнитивным искажениям, управлению вниманием, построению версии дела, оценке свидетельской памяти, допросу, судебной риторике и противодействию манипулятивным приёмам. Особое внимание уделено российскому уголовному судопроизводству и процессуально корректным способам нейтрализации обвинительной когнитивной инерции.

© Мелков А. В.

© Издательские решения

Содержание

Как пользоваться книгой	6
Предисловие	7
ЧАСТЬ I. ПСИХОЛОГИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ	8
Глава 2. Внимание, когнитивная нагрузка и эффект структуры	9
Глава 4. Фрейминг, контраст и нейтральный язык	11
Глава 5. Confirmation bias и проверка конкурирующих гипотез	12
ЧАСТЬ II. ОБВИНИТЕЛЬНАЯ ИНЕРЦИЯ И ANTI-BIAS	13
Глава 9. Симметрия критериев и бремя доказывания	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Судебная психология адвоката

Алексей Валерьевич Мелков

© Алексей Валерьевич Мелков, 2026

ISBN 978-5-0071-1844-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как пользоваться книгой

Для подготовки к делу сначала прочитайте части I—II и заполните anti-bias карту. Перед допросом используйте части III—IV и карточку ключевого свидетеля; перед прениями — части V—VI и конструктор речи. Атлас 100 инструментов предназначен для быстрого повторения перед заседанием.

Предисловие

Адвокат работает не только с законом. Он работает с человеческим восприятием закона. Перед судом находятся протоколы, показания, заключения, документы и вещественные доказательства, но ни одно из них не существует в сознании человека изолированно. Одно обстоятельство появляется раньше другого, одно получает эмоциональную окраску, другое теряется в объёме дела, третье подтверждает уже возникшую версию.

Судебная психология в этой книге понимается не как искусство скрытого давления. Её предмет — внимание, память, когнитивные искажения, язык, структура доказательственной истории и способы вернуть спор к проверяемому критерию. Чем выше профессиональный уровень защиты, тем меньше ей требуется риторической мистификации.

Особое место занимает обвинительная когнитивная инерция. Низкая доля оправдательных приговоров в российской статистике сама по себе не доказывает предвзятость конкретного судьи; она требует аккуратного анализа институциональной асимметрии и тех психологических механизмов, которые могут поддерживать уже сформированную версию. Задача адвоката — не обвинять суд в предвзятости, а создавать процессуально корректные условия для независимой повторной проверки каждого элемента обвинения.

Наконец, книга сознательно отделяет современную когнитивную психологию от НЛП. Некоторые приёмы, вошедшие в профессиональный обиход через НЛП, полезны как способы уточнения языка, установления рабочего контакта или саморегуляции. Однако глазодвигательная «диагностика лжи», магическое якорение и идеи скрытого программирования суда не должны получать статус доказанных технологий.

ЧАСТЬ I. ПСИХОЛОГИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Как внимание, когнитивные эффекты и нарратив влияют на оценку доказательств

Глава 1. Почему доказательство существует не только в деле, но и в сознании

Уголовный процесс нормативно устроен как проверка фактов с помощью допустимых доказательств. Однако факты не входят в сознание судьи в виде чистых данных. Они воспринимаются последовательно, сравниваются с уже услышанным, помещаются в причинные схемы и получают эмоциональную окраску. Поэтому адвокат работает одновременно с правом, доказательствами и архитектурой их восприятия.

Судебная психология в этой книге понимается не как набор приёмов скрытого воздействия. Её предмет — закономерности внимания, памяти, оценки неопределённости, формирования гипотез и речевой коммуникации, которые могут усиливать или ослаблять качество судебного решения. Такой подход полезен и защите, и самому суду: он помогает обнаруживать места, где юридический вывод незаметно подменяется интуитивным.

Основной профессиональный риск возникает в тот момент, когда оценка начинает опережать проверку. Фразы «очевидно», «иначе быть не могло», «все доказательства указывают» часто обозначают не итог законченного анализа, а сокращённый путь мышления. Адвокат должен уметь вернуть такой тезис к четырём вопросам: какой факт установлен; откуда он известен; какое альтернативное объяснение возможно; какой обязательный элемент обвинения он действительно подтверждает.

Психологическая грамотность особенно важна в многотомных делах. Чем больше материала, тем выше соблазн судить по общему впечатлению от массива. Но двадцать томов могут содержать десятки повторов одного и того же первичного сообщения. Сила защиты поэтому заключается не в создании ещё одного массива текста, а в декомпрессии дела: из сотен страниц — к нескольким проверяемым вопросам.

В книге используется маркировка А/В/С. Уровень А означает механизм, который имеет серьёзную эмпирическую или правовую основу: числовое якорение, confirmation bias, реконструктивность памяти, постсобытийное влияние, ограниченность внимания. Уровень В — практическая коммуникативная техника, разумная и совместимая с общей психологией. Уровень С — идеи, традиционно связанные с НЛП и нуждающиеся в особой осторожности.

Главная установка книги. Не «как заставить судью думать нужным образом», а «как сделать процесс проверки доказательств более прозрачным и устойчивым к когнитивным ошибкам».

Глава 2. Внимание, когнитивная нагрузка и эффект структуры

Рабочая память ограничена. Судья может быть исключительно опытным и мотивированным, но он не способен одновременно удерживать сотни дат, фамилий, телефонных соединений и противоречивых фрагментов показаний. Поэтому каждая сторона неизбежно предлагает структуру. Тот, кто предложил структуру первым и сделал её удобной, получает серьёзное риторическое преимущество.

Отсюда следует принцип карты. Вместо фразы «в материалах имеется множество противоречий» защита выделяет три класса: время события, источник знания свидетеля и происхождение денежной суммы. Внутри каждого класса располагаются конкретные документы. Суду не предлагают запомнить дело; ему предлагают систему координат, в которой он может его проверять.

Когнитивная нагрузка особенно заметна в прениях. Речь, которая последовательно разбирает тридцать аргументов одинаковым тоном, часто менее убедительна, чем речь, показывающая три фундаментальных дефекта и затем использующая остальные расхождения как подтверждение системности проблемы.

Практическое правило: одно судебное заседание — одна главная цель, три вспомогательных результата и одна финальная формула. Если адвокат сам не может сформулировать, чего он добился сегодня, суду будет ещё труднее встроить услышанное в общую картину.

Метод 1—3—1. *1 центральная цель заседания; 3 конкретных факта, которые нужно получить или зафиксировать; 1 фраза, которой адвокат резюмирует их юридическое значение.*

Глава 3. Якорение: первая цифра и первая точка отсчёта

Якорение — один из наиболее изученных когнитивных эффектов в юридическом принятии решений. Число, появившееся в контексте решения раньше, способно смещать последующую оценку в свою сторону даже тогда, когда его нормативная релевантность невелика. Классические эксперименты с юридическими профессионалами показывали влияние даже явно случайных числовых ориентиров на назначаемый срок. [3; 4]

Для защиты опасность двойная. Во-первых, якорь воздействует на суд. Во-вторых, он может незаметно воздействовать на самого адвоката: после требования обвинения о двенадцати годах защитник начинает рассуждать, что пять лет — «разумный компромисс», хотя до выступления прокурора независимая оценка могла быть принципиально иной.

Поэтому числовые позиции следует рассчитывать до знакомства с требованием оппонента, если это возможно. А если якорь уже прозвучал — не торговаться внутри него автоматически, а вернуть обсуждение к нормативному критерию: квалификация, пределы санкции, обстоятельства, правила назначения наказания и сопоставимая практика.

Якорь бывает не только числовым. Первая яркая формулировка способна стать точкой отсчёта для понимания всего дела: «получил деньги и исчез» или, наоборот, «до конфликта стороны два года исполняли взаимные обязательства». Обе фразы могут содержать правдивые факты, но помещают дальнейшую информацию в разные причинные рамки.

Судебная сцена: нейтрализация числового якоря

Прокурор: С учётом характера содеянного прошу назначить 12 лет лишения свободы.

Защитник: Предложенный срок является позицией стороны, а не исходным критерием. До обсуждения его размера прошу разделить вопросы квалификации, обстоятельств дела и индивидуализации наказания.

Суд: Продолжайте.

Защитник: Именно эти критерии должны задавать точку отсчёта, а не само число, впервые названное обвинением.

Реконструкция типовой ситуации, не стенограмма конкретного дела. Механизм: обнуление чужого якоря через возврат к объективному критерию.

Глава 4. Фрейминг, контраст и нейтральный язык

Фрейм — смысловая рамка, в которой один и тот же факт получает интерпретацию. «Подсудимый отказался отвечать» и «подсудимый воспользовался процессуальным правом не свидетельствовать против себя» описывают одно действие, но вызывают разные ассоциации. Рефрейминг допустим только при фактической честности: адвокат не переписывает событие, а возвращает ему альтернативное юридически допустимое объяснение.

В уголовном процессе особенно опасны слова, уже содержащие вывод: «похищенные деньги», «соучастники», «преступная схема», «организатор» — если соответствующие обстоятельства ещё являются предметом доказывания. Защите полезно очищать язык: «спорные денежные средства», «лица, которых обвинение считает соучастниками», «описанная обвинением схема».

Контраст работает иначе. Он не заменяет фрейм, а делает расхождение видимым. Вместо эпитета «показания противоречивы» сильнее показать: «в первом допросе — не видел; во втором — видел силуэт; в суде — хорошо разглядел лицо». Суду не сообщают готовую эмоциональную оценку. Ему показывают изменение и предлагают объяснить его доказательственное значение.

Судебная сцена: возвращение к нейтральному языку

Прокурор: После хищения денежных средств подсудимый перевёл похищенное родственнику.

Защитник: Вопрос содержит как установленные два обстоятельства, которые ещё подлежат доказыванию: факт хищения и происхождение переведённых средств.

Суд: Сформулируйте вопрос без оценки.

Прокурор: После получения денежных средств какой перевод был произведён?

Реконструкция типовой ситуации. Механизм: нейтрализация пресуппозиции и обвинительного фрейма.

Глава 5. Confirmation bias и проверка конкурирующих гипотез

Предвзятость подтверждения проявляется в склонности искать, замечать и интерпретировать информацию прежде всего как подтверждение уже принятой версии. Она опасна не только для суда или следствия. Защита также подвержена ей: адвокат, эмоционально принявший позицию доверителя, рискует игнорировать неблагоприятный факт и подготовить слабый ответ. [1; 2]

Профессиональная защита поэтому обязана иметь «адвоката дьявола» внутри собственной команды. На каждое ключевое положение задаются вопросы: что подтверждает обвинительную гипотезу; что ей противоречит; какой факт мог бы её опровергнуть; какое альтернативное объяснение совместимо с тем же доказательством.

Полезен контрфактический тест. Если обвинение верно, какие следы должны были бы существовать? Если следов нет — отсутствие само по себе не доказывает невиновность, но уменьшает объяснительную силу гипотезы, особенно если ожидаемый след является естественным следствием предполагаемого умысла или сговора.

Второй тест — совместимость. Может ли то же самое доказательство существовать при непроступном объяснении? Неисполнение договора совместимо и с мошенническим замыслом, и с коммерческим провалом. Поэтому само по себе последующее неисполнение не выбирает между гипотезами; нужен мост к первоначальному умыслу.

Четыре вопроса против confirmation bias. *Что подтвердило бы обвинение? Что его опровергло бы? Какие факты совместимы с обеими версиями? Какой результат ожидался бы только при одной из них?*

Глава 6. Нарратив: почему суду нужна история, но не сказка

Исследования присяжных и юридического принятия решений показывают: человек стремится организовать разрозненные свидетельства в причинную историю. В ней есть действующие лица, цели, последовательность событий и объяснение результата. Если защита ограничивается перечнем отдельных возражений, а обвинение предлагает связный сюжет, психологическое преимущество остаётся у более цельной модели. [5]

Однако «история защиты» не должна быть художественной фантазией. Её скелет — проверяемая причинная карта: кто; что хотел; какие ресурсы имел; что сделал; какой объективный след должен был остаться; что произошло затем. Каждое звено обязано иметь документальное или свидетельское основание.

Особенно полезно показывать суду место, где история обвинения перескакивает через логический разрыв. Например: «деньги получены» — факт; «обязательство не исполнено» — факт; «следовательно, уже в момент получения существовал умысел на хищение» — вывод. Именно между вторым и третьим звеном часто отсутствует самостоятельное доказательство.

ЧАСТЬ II. ОБВИНИТЕЛЬНАЯ ИНЕРЦИЯ И ANTI-BIAS

Как распознать подтверждающее мышление и вернуть процесс к презумпции невиновности

Глава 7. Статистическая асимметрия и осторожный разговор об обвинительном уклоне

В российском профессиональном дискурсе термин «обвинительный уклон» используется часто, но обращаться с ним необходимо аккуратно. Низкая доля оправдательных приговоров является статистическим фактом и поводом исследовать институциональные и когнитивные риски, однако сама по себе не доказывает предвзятость конкретного судьи. [13—15]

По официальным данным, в 2024 году российскими судами рассмотрено около 670 тысяч уголовных дел в отношении 679 тысяч лиц. В публичных материалах Верховного Суда сообщалось, что обвинительные приговоры постановлены примерно в отношении 543 тысяч лиц, а значительная часть дел завершалась также прекращением уголовного преследования. Поэтому простая формула «низкий процент оправданий равен доказанному обвинительному уклону каждого судьи» методологически неверна.

Для адвоката практический вывод другой: дело поступает к суду уже после формирования обвинительной версии, процессуального закрепления доказательств и утверждения обвинения. Это создаёт риск когнитивной инерции — не как доказанную характеристику конкретного судьи, а как общий психологический механизм, от которого не защищён ни один человек.

Поэтому в суде опасно заявлять: «вы рассматриваете дело с обвинительным уклоном». Такая реплика персонализирует проблему и запускает защиту профессиональной идентичности судьи. Сильнее говорить о симметрии критериев, разделении подозрения и виновности, необходимости самостоятельной оценки исследованных в суде доказательств и недопустимости переноса бремени доказывания на защиту.

Корректная формула. *Не «суд предвзят», а «просим применить к доказательствам обеих сторон одинаковый критерий достоверности и отдельно мотивировать разрешение данного противоречия».*

Глава 8. Институциональная инерция: как дать суду безопасный путь к изменению оценки

До приговора суд может разрешать вопросы меры пресечения, допустимости доказательств, продления сроков и другие промежуточные вопросы. Каждое такое решение имеет иной предмет, но психологически прежняя оценка может создавать чувство последовательности: если подозрение ранее признавалось обоснованным, пересмотр общей картины требует дополнительного когнитивного усилия.

Защита не должна ставить судью перед выбором «либо оправдать, либо признать, что раньше вы ошибались». Необходимо создать когнитивную перегородку между стадиями: ранее разрешался вопрос о наличии достаточных данных для процессуальной меры; теперь разрешается вопрос о доказанности виновности после непосредственного исследования доказательств.

Такой приём не является психологической уловкой. Он соответствует самому устройству процесса: промежуточные решения и окончательный вывод имеют разные критерии. Главное преимущество — суду предлагается изменить оценку без необходимости отрицать законность прежнего решения. [11; 12]

Судебная сцена: разделение подозрения и виновности

Прокурор: Ранее суды неоднократно признавали подозрение обоснованным при продлении меры пресечения.

Защитник: Именно подозрение — в рамках иного процессуального вопроса. Сегодня суду предстоит ответить на другой вопрос: устранили ли исследованные доказательства сомнение в обязательных признаках состава.

Суд: Довод понятен.

Защитник: Поэтому прошу не переносить промежуточную оценку на стандарт, необходимый для итогового приговора.

Реконструкция типовой ситуации. Механизм: когнитивная перегородка между промежуточной оценкой и итоговым выводом.

Глава 9. Симметрия критериев и бремя доказывания

Один из самых практичных способов обнаружить скрытую обвинительную инерцию — проверить симметрию. Если знакомство свидетеля с подсудимым используется как основание сомневаться в показаниях защиты, нужно спросить, как учитывается конфликт свидетеля обвинения с тем же подсудимым. Если позднее появление документа вызывает сомнение, одинаково ли оценивается поздняя детализация обвинительного показания?

Правило симметрии не требует, чтобы все доказательства оценивались одинаково. Оно требует, чтобы одинаковые основания применялись одинаково и различия объяснялись. Это переводит спор из плоскости «верю — не верю» в плоскость проверяемых критериев.

Не менее важно постоянно удерживать распределение бремени доказывания. Слабость объяснения защиты не превращает обвинительную версию в доказанную. Даже если суд не принимает альтернативную версию, остаётся отдельный вопрос: доказала ли сторона обвинения собственную гипотезу теми средствами и в том объёме, которые требует закон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.